

A futuristic space station or spaceship is shown orbiting Earth. The station has a complex, multi-tiered structure with a prominent central tower and several large, flat wings extending outwards. It is illuminated from within, showing glowing orange and yellow lights. The Earth's blue and white atmosphere is visible in the background, along with a bright, swirling nebula in the upper right corner. The overall scene is set against a dark, star-filled space.

Евгения Усачева

Тупик времени

Евгения Усачева

Тупик времени

<https://litres.ru/72702718>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой программист Исай принимает роковое решение в своей жизни, отправляясь на другую планету, где с ним вступают в контакт представители кремниевой формы жизни. Они предупреждают о пришествии тёмной богини-матери Кибелы, которая погрузит всё Мироздание в свою темницу, уничтожив вселенную и всех существ, живущих в ней. Космической Империи, насчитывающей тысячелетия существования, грозит крах, ведь процесс разрушения уже запущен. Он запускается в тот момент, когда научно-исследовательский корабль отважного капитана Николая Печерского, пожертвовавшего собой ради спасения экипажа, попадает в космическую аномалию, которая переносит его за пределы материальной вселенной. Что ожидает его там, в крошечной тьме и небытии? Возможно, именно ему предстоит изменить историю мира, повернув её в совершенно иное русло, и заодно навсегда изменить свою собственную судьбу.

Содержание

1	4
2	15
3	28
4	43
5	53
6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Евгения Усачева

Тупик времени

1

Исай открыл окно, впуская в кабинет тягучий летний зной. Огромное маслянистое солнце, едва касаясь вершущек раскалённых небоскрёбов, медленно клонилось к горизонту. Автомобильная гарь смогом нависла над тротуарами, вытесняя свежий воздух. До конца рабочего дня оставалась пара часов. Шеф находился в отпуске, а Исай, как его заместитель, временно исполнял обязанности руководителя. Он сильно устал и придумывал себе отговорки, чтобы уйти пораньше, но совесть не позволяла покинуть рабочее место раньше остальных. Да и что бы он делал дома один? Можно было, конечно, пойти в паб, прогуляться, развеяться, но вечер понедельника у всех полон забот, это у Исаия не было ни семьи, ни каких-либо хлопот. Его личное время принадлежало полностью ему одному, и никому больше.

На Ирридиуме он оказался случайно. Бежал от несчастной любви. Решение созрело в его голове мгновенно, как только взгляд коснулся строчек объявления на экране. На планету в город колонистов требовались программисты со

знанием языков квантового программирования. Исай тут же схватил телефон, набрал номер. Прошли доли секунды, за которые его подсознание успело взвесить все за и против. На Земле всё напоминало о К. – девушке, отвергнувшей его чувства, которая всё никак не хотела забываться. Парень не мог спокойно дышать, зная, что она ходит по той же планете, что и он, и дарит свою улыбку и драгоценное время кому-то другому. Может, этот поступок выглядел слишком импульсивным, но молодой человек ни о чём не жалел.

На собеседовании, просмотрев его резюме, будущие работодатели не колеблясь ни минуты, сразу же включили его в список группы разработчиков. На вопрос, почему именно Ирридиум, ведь существует множество планет, на которые требуются специалисты, Исай ответил, что ему просто захотелось пожить в необычной обстановке. А Ирридиум, действительно, был очень необычен. Сушу покрывали бескрайние пустыни сине-голубых песков, испаряемые кое-где золотистыми клыками бронзовых скал. Оранжевый диск Альдебарана, сияющий в бирюзовом небе, был в десять раз больше земного солнца, но благодаря плотной атмосфере, на него можно было смотреть невооружённым глазом. Правда, недолго, минут пять, но всё равно эта особенность приводила в восторг всех вновь прибывших.

Сушу составляли два больших материка: Палилий и Лампарус. В их глубине, в необычных синих пустынях, никто не жил, города колонистов располагались в основном на бе-

регах Полосатого океана, которым была покрыта значительная часть Ирридиума. Его прозвали так, действительно, из-за наличия изумрудных и чёрных полос, которые становились видны с высоты. Учёные объясняли такой причудливый окрас вод растворёнными в них специфическими минералами, которых не было в периодической таблице.

За сто лет изучения планеты специалисты так и не нашли на ней признаков органической жизни. Они пришли к выводу, что Ирридиум никогда не был обитаем, хотя имел все пригодные для образования жизни условия: воду, тепло, плотную атмосферу, необходимое давление на поверхности и кучу полезных химических соединений. Но по неизвестным причинам, жизнь на планете так и не образовалась, будто она специально была предназначена для людей и ждала своего часа, когда первые колонисты ступят на её поверхность.

Исай сразу же полюбил Ирридиум. Хотя по прошествии шести месяцев пребывания на нём, понял, что К. не желает забываться даже в шестидесяти пяти световых годах от родной планеты.

«Личная судьба – совокупность случайностей и не зависящих от человека обстоятельств. Мы не выбираем судьбу, но являемся её причиной. Иными словами, судьба – следствие непредвиденных обстоятельств, путь – осознанный выбор!» – именно так успокаивал себя Исай, надеясь, что К. скоро забудется на чужой планете. Возвращаться он не собирал-

ся. Никогда. Он считал, что избрал этот путь сам, ведь он мог спокойно остаться на Земле. И одновременно не мог. Тогда, выходит, выбора у него не было? А раз не было выбора, значит, он следовал своей судьбе? Для программиста он был слишком сентиментален. Хотя, должны же существовать сентиментальные программисты? Они создают программное обеспечение для роботов, но сами-то они не роботы! После многих разочарований, и самого главного, которое принесла ему К., Исай всё равно оставался романтичным парнем. По вечерам он выходил на прогулку и с ностальгией и умиротворением смотрел на зажигающиеся звёзды. Плотная атмосфера Ирридиума пропускала свет лишь самых ярких из них. Исай различал Сириус, Вега, Канопус, почти все звёзды Ориона, Арктур, появившийся над горизонтом лишь к полуночи, и великолепные Плеяды. Лун у Ирридиума не было, поэтому все ночи напролёт можно было любоваться красотой звёзд, складывающихся в невиданные ранее созвездия. В такие минуты на парня накатывали воспоминания и сожаления о событиях, которые так и не произошли в его жизни.

К. он повстречал в кофейне, недалеко от своей работы, а потом оказалось, что девушка работала в той же IT-компании, что и он, но устроилась туда недавно. Как он мог её не замечать? Как мог не замечать её заливистого смеха, шуток, больших шоколадных глаз оттенка корицы, красивой светлой кожи с россыпью еле заметных веснушек? Как мог не

замечать приятного тембра голоса, который ни с каким другим теперь не спутает до конца своей жизни? Любовь, как гвоздь, застряла в сердце, и заставляла его кровоточить даже на чужой планете.

Когда-то давно в одной из эзотерических книг, Исай прочитал, что существуют, так называемые, планетарные духи – индивидуальные сознания каждой планеты. Тогда он посчитал эту теорию шуткой, теперь бы многое отдал за то, чтоб она оказалась правдой. Когда он гулял под звёздами, то мысленно обращался к планетарному духу Ирридиума, прося забрать его печаль. Но пока что дух никак не реагировал. Зато реагировали коллеги парня, среди которых он сразу же прослыл чудачком. Но все программисты немного чудачки. Иначе кто в здравом уме выберет эту профессию?

Дни на Ирридиуме тянулись однообразно. Первое время, когда необычный пейзаж был в новинку, Исай долго гулял в свободное время по окрестностям за городом, но спустя, примерно, три месяца однообразный ландшафт приелся. Полосатый океан, в котором было запрещено купаться из-за непредсказуемого влияния растворённых в его водах минералов на тело человека, выглядел обычным тёмным морем. Это с высоты птичьего полёта его спокойная гладь образовывала загадочные полосы. С берега их было не видно. Кстати, в океане совершенно отсутствовали шторма и волны, что казалось учёным удивительным феноменом, не находившим логического объяснения. Но как бы там ни было, находились

смельчаки, которые втайне лезли в воду, и говорили, что по ощущениям она ничем не отличается от земной. И никаких последствий для себя они так и не обнаружили. Может, прошло слишком мало времени, а может, ни всё придумывали, и реально в океан никто не рискнул лезть. Исай не любил купаться. И даже если б такого запрета на Ирридиуме не существовало, он всё равно бы предпочёл купанию своё любимое занятие – написание кодов.

Однажды его и пару других разработчиков отправили в командировку на научно-исследовательскую станцию, находящуюся в глубине Палилия. У сотрудников возникли какие-то неполадки с программным обеспечением, и требовалась помощь специалистов.

Станция располагалась посреди бескрайних синих песков, а с севера её закрывала гряда невысоких бронзово-золотистых скал, практически отвесных и выглядевших, как острые зубы какого-нибудь страшного великана, притаившегося в почве.

Вертолёт, доставивший Исайя и его коллег в пункт назначения, сделал круг и приземлился на площадке, находившейся на вершине белого овального здания станции.

После первичной диагностики, выяснилось, что поломка серьёзная. На её исправление могла уйти неделя, но программисты надеялись управиться за несколько дней. Сотрудники станции выделили им комнаты в жилом блоке. Исаю досталась с видом на скалы. Первые три дня парень прихо-

дил лишь переночевать и не мог увидеть их прекрасного величия на закате, когда оранжевый диск заходящего Альдебарана подсвечивал камни таким образом, что казалось, будто они горят огнём невиданной красоты. Всполохи багрянца и золота, оттеняемые синевой песков, выглядели просто потрясающе. На рассвете скалы тоже окрашивались светом звезды, но в такое время лишь по их верхушкам скользили мягкие розово-лиловые лучи разгорающегося светила, а остальная часть была скрыта тенью станции. На четвёртые сутки, закончив работу пораньше, Исаю, наконец, удалось увидеть этот захватывающий закат. Он посмотрел в окно, а затем, не теряя ни минуты, выбежал на улицу и почти бегом направился к скалам, боясь упустить драгоценное время.

Они оказались расположены гораздо дальше, чем парню показалось вначале. До них было не меньше пары километров. Когда Исай, наконец, добрался в нужное место, ирридиумское солнце почти село. Альдебаран дарил последние лучи медным камням, которые в считанные минуты увядали под натиском сумерек. Однако парню всё же удалось немного прогуляться вокруг этой захватывающей красоты первозданной чуждой человеку природы и полюбоваться её творением. Он немного поднялся вверх, чтобы стать ещё ближе к камню, прикоснулся ладонями к тёплой поверхности скалистых отрогов, наблюдая за тем, как раздувшееся ленивое светило уплывает за горизонт. Затем Исай поднялся ещё выше, метров на десять, и остановился на небольшом пятач-

ке, окружённом бронзовыми пиками острых камней. Он зачем-то нагнулся и поднял с земли маленький камешек, не больше половины ладони. Начал вертеть его в руках и рассматривать. Он походил на абсолютно бесформенный кусок застывшей магмы, извергнутой из недр Ирридиума миллионы лет назад. Таких валялось кругом в избытке, но парень всё разглядывал и разглядывал камень, и в какой-то момент, перед тем, как величественный Альдебаран бросил последний луч на скалы, ему показалось, что кусок породы в его руках на мгновение ожил! То есть, он, будто моментально перестроил свою структуру и снова застыл. Внешне это выглядело так, будто его поверхность на сотую долю секунды пришла в движение, и незначительно поменяв свою форму, остановилась. Парень счёл это странное явление оптической иллюзией. Подумал, что ему всё показалось, ведь предыдущие дни он практически не вылезал из-за компьютера, вперившись взглядом в монитор, вот его уставшие глаза и выдали такой фокус. Но он всё равно вздрогнул от неожиданности, однако камня не выронил, повертел его в руках, окончательно убедившись в том, что всё это ему привиделось, и только потом бросил его на землю. А затем почему-то передумал, и, действуя, словно по наитию, нагнулся, подобрал его и унёс с собой. На память. Хотя... К чему, если Исай не планировал возвращаться на Землю? Этого странного порыва он объяснить себе никак не мог. Лишь возвратившись в свою временную комнату, он будто опомнился и совершенно

не понимал, зачем притащил с собой абсолютно бесполезный кусок камня. При искусственном освещении он выглядел довольно невзрачно. Лишь изредка на его поверхности поблёскивали какие-то вкрапления редких минералов, но их было очень мало.

О том странном случае, произошедшем с ним в скалах, Исай вскоре забыл, и, вернувшись в город колонистов, снова погрузился в обычную рутину. Однако камень отчего-то лежал у него на полке с книгами в качестве сувенира, но парень больше не обращал на него никакого внимания. И выкинуть его не поднималась рука. Вернее, эта мысль даже не посещала голову программиста, будто существовал какой-то ментальный запрет на её возникновение. Может, это удивительно, но с приобретением этого камня, Исай будто почувствовал себя своим на Ирридиуме. До этого он ощущал некую отчуждённость от чужой планеты. Наверное, все переселенцы испытывали схожие чувства, но после того случая, когда обычный камень вдруг «ожил» в его ладони, молодому человеку стало казаться, будто он родился и вырос на планете и никогда прежде не знал другой. Лишь воспоминания о К. ненадолго возвращали его в прошлое, и он вспоминал о своей жизни на Земле. Собственно, до той девушки её будто бы не существовало. Она выглядела блёклым пятном, и К., ворвавшаяся в его жизнь, яркой вспышкой осветила его спокойное размеренное существование, чтобы потом раскрошить его на части, разбить на мелкие осколки, не оставив

инового выбора, кроме как собрать их воедино и начать строить из них нового себя. Исай был не против. Он любил развиваться, любил перемены и тяготился однообразием. Но не такой ценой. Его импульсивный поступок, практически бегство на другую планету, выходил за рамки обычных перемен, и являлся тотальной перестройкой жизни, своеобразным обнулением всех ориентиров и прошлых достижений. На работе, на новой планете, он занял должность ниже той, что занимал на Земле. В плане карьеры пришлось если и не начинать всё с нуля, но вновь прикладывать усилия, чтобы достичь той же ступени, на которую он уже однажды взобрался. Свою квартиру перед отлётом он продал, но так как на Ирридиуме личной собственности пока не существовало, и работников обеспечивали жильём предприятия, то и купить квартиру в городе на новой планете, было невозможно. Исай подарил эти деньги своей двоюродной сестре, оставшейся без мужа, и маленькому племяннику. Хотя поначалу у него возникла безумная мысль написать завещание на К. Какой вздор! Это выглядело б ещё бóльшим унижением, чем то, как безразлично девушка отвергла его любовь. Да и кем, собственно, приходилась ему К.? Лишь несостоявшейся женой, подругой, невестой. А двоюродная сестра и её сын – всё-таки не чужие люди. В конце концов, здравый смысл в голове Исаия восторжествовал, и он распорядился ненужной теперь ему квартирой, как того требует долг и совесть. Возвращаться он не планировал ни при каких обстоятельствах. Тем бо-

лее теперь, когда он обрёл необычный камень, а вместе с ним и чёткую уверенность в том, что он наконец-то оказался на своём месте, все сомнения и грызущая его сердце ностальгия исчезли напрочь.

2

В то же самое время «Уран», звездолёт экстра-класса, созданный для полётов на сверхдальние расстояния, неумолимо мчался сквозь тёмные пустоты пространства, разрезая серебристым носом бархатную гладь космоса. Его экипаж держал курс на Альфу Волопаса, возле которой была недавно обнаружена планета земного типа. Николай Печерский – капитан Урана – находился в добром расположении духа и делал утренний обход корабля, проверяя, все ли системы работают нормально, и как чувствуют себя подчинённые. Шёл 325-й день экспедиции. Научно-исследовательская миссия проходила без каких-либо происшествий. Лишь однажды, примерно за орбитой Нептуна, возникла опасность столкновения с мелким астероидом, но экипаж благополучно справился с этой проблемой.

Выйдя за пределы Солнечной системы, капитан отдал приказ включить нейтронные двигатели, и корабль с бешеной скоростью устремился вперёд, сжимая пространство на прямой линии проложенного курса.

Николая все любили. Он был честным человеком, не страшавшимся брать на себя ответственность. Всегда принимал первый удар на себя, защищая подчинённых перед руководством Звёздного Флота. Ну а если они уж действительно ока-

зывались виновными, вот тогда Печерский устраивал разнос, но делал это наедине, а не перед всем экипажем. Он никогда не позволял себе относиться неуважительно ни к кому из своей либо чужой команды и высоко ценил любой труд: будь то труд работа-уборщика, простого технического работника, либо профессора-астрофизика из научного состава экспедиции. Печерский относился ко всем одинаково, хотя у него были близкие друзья, но на службе они не имели никаких привилегий.

С Елизаветой Белогоровой – астробиологом, своим замкомом Алексеем Красиловым и – начальником службы безопасности Андреем Земцовым – он дружил ещё со времён учёбы в Академии, и с годами их дружба не утратила своей силы. Двенадцать лет назад Николай окончил учёбу в звании младшего лейтенанта и поступил на службу на Уран в качестве помощника штурмана. Теперь он, пройдя долгий путь испытаний, закаливших его и показавших, чего он стоит, и на что способен, уверенно занимал кресло капитана звездолёта, и его команда при этом твёрдо верила, что ему всё по плечу. Он готов был с ними поспорить, потому как иногда, в трудные минуты испытаний, его посещали сомнения в собственных силах, как и любого командира, но он ничем: ни словами, ни жестами, ни мимикой не выдавал своего страха, оставался твёрд, как скала, и подчинённые его просто боготворили. За плечами остались десятки полётов в пределах Солнечной системы, три длинные миссии к планетам Сири-

уса, Веги и Ахернара. Теперь его корабль, успевший за семь лет стать командиру настоящим домом, куда хотелось возвращаться вновь и вновь, стремительно мчал его к Арктуру – одной из самых ярких звёзд земного неба. Поразительно, но именно созвездие Волопаса, круглый год низко висевшее над горизонтом в его родной России, всё детство будоражило воображение будущего капитана. Алый Арктур, по ночам пробивавшийся в детскую сквозь занавески, заставлял сердце ребёнка трепетать и грезить об иных мирах. Возможно, благодаря ему Печерский и стал тем, кем стал, и теперь летел навстречу своему вдохновителю, чтобы открыть новые удивительные миры, и быть может, встретиться с внеземной цивилизацией.

Более чем за шесть тысяч лет непрерывного изучения космоса, людям так и не удалось обнаружить никаких признаков жизни на других планетах. Конечно, пока пригодных для колонизации было открыто и не так много: едва ли пара десятков. Человечество пока осваивало лишь Млечный Путь. Кто знает, может, из всей галактики жизни посчастливилось зародиться лишь на Земле, и сотни инопланетных цивилизаций ожидали человечество именно в других звёздных скоплениях? Этим и объяснялся парадокс космического молчания. Возможно, инопланетяне так же, как и люди, ещё не могли преодолевать межгалактические расстояния, а если какая-то цивилизация и вышла на такой уровень развития, то просто ещё не добралась до Млечного Пути. Ведь

и галактики разделяли между собой миллиарды световых лет – чудовищные расстояния, которые, однако, люди научились хоть немного, но сокращать путём сложного процесса сжатия пространства. Таким образом, путь укорачивался в десять и более раз. Причём, чем ближе находилась звезда, тем больше сокращалось расстояние. Земляне использовали эффект расширения пространства, открытый ещё в седой древности, но додумались, как точно обратить этот процесс в обратную сторону. Таким образом, пространство сжималось на участке длинной прямой проложенного курса во много раз. И если до звезды, например, при обычных условиях нужно было лететь десять световых лет, то используя эффект сжатия пространства, можно было добраться всего лишь за один стандартный земной год. Новейшие корабли летали со скоростью 99,9% от скорости света, и легко могли себе это позволить.

До Арктур, или Альрамеха, как на старинный манер любил называть его Николай, было тридцать пять с половиной световых лет. Но благодаря сжатию пространства этот путь корабль преодолел бы за три года. И три на обратный путь. Итого, получалась шестилетняя миссия – серьёзное испытание даже для бывалого командира, ну а Печерский, всё-таки, был ещё слишком молод в профессиональном плане, хоть и имел за плечами немалый опыт.

Тот день, когда камень неожиданно ожил в руке Исая, ничем не отличался от остальных. И на борту Урана поначалу тоже не происходило ничего необычного. Вереницы однообразных дней монотонно тянулись один за другим, командир придерживался распорядка дня, чётко выполняя свои обязанности и требуя такой же дисциплины от подчинённых.

Он сделал утренний обход, затем позавтракал в столовой. Синтезатор пищи, глубоко зажужжав, выдал стандартный набор продуктов: яичницу с беконом и зеленью, два ломтика цельнозернового хлеба с маслом и чашку кофе, едва подслащенного сахарозаменителями. К Николаю присоединились друзья. Члены экипажа, которых было около ста тридцати человек, завтракали в разное время, согласно личному расписанию, и собраться вот так вместе командиру и его друзьям удавалось крайне редко. Общих выходных на Уране не было, так как работа шла посменно. С утра до вечера технический состав следил за системами корабля, делал мелкий ремонт и заботился о работоспособности оборудования. Учёные тем временем собирали информацию, поступающую от приборов, делали вычисления, даже проводили небольшие опыты в лаборатории.

Николай был далёк от науки, хотя его мать была астробиологом, но его всегда интересовали именно полёты к звёздам. Он не любил скучную астрохимию, внеземную биологию и прочие научные предметы, которые его хоть и не углублён-

но, но заставили изучить в Академии. И уж тем более, он не понимал, что можно было рассмотреть за пределами корабля, в чёрной угольной тьме сжатого пространства, когда корабль находился именно в таком состоянии полёта. При нём исчезали из виду звёзды и галактики, фиксировались лишь различные излучения. Учёные как раз и занимались их анализами, которые давали поразительные результаты. С помощью излучений, которые в условиях сжатия пространства, также сжимались, можно было узнать состав и возраст сверхдальних галактик, даже заглянуть за горизонт наблюдаемой вселенной и получить ответы на многие вопросы. Большинство планет были открыты астрономами именно на кораблях, мчавшихся в бездну пространства по такому короткому пути.

За завтраком капитан наслаждался общением с друзьями, все вместе они пошутили, посмеялись и, расправившись с едой, вернулись к выполнению своих обязанностей.

Ближе к обеду на мостик заглянула Андроника Руднова – главный астрофизик на Уране. Девушка была весьма талантлива в своей профессии, и, несмотря на свой юный возраст уже имела учёную степень. Ей неоднократно предлагали преподавать в Академии Звёздного Флота, но она выбрала полёты к звёздам. Это была её первая дальняя миссия.

– Капитан... Можно вас... на минуту? – робко обратилась она к командиру.

– У вас что-то срочное?

– А... Да...

– Ну, тогда говорите здесь.

– Эм... Возможно, я только что обнаружила новую планету, – скромно сказала девушка, сжимая в руках тонкий планшет.

Повисло молчание, а затем спустя десять секунд на мостике раздались аплодисменты.

Бедная Андроника, не привыкшая к такому вниманию, залилась краской.

– Ну что же, это замечательно. Андроника, примите мои поздравления! – любезно отозвался капитан. – Я вижу у вас в руках планшет. Видно, вы уже готовы кое-что сообщить нам о новой планете?

Астрофизик смущённо кивнула, но затем, с позволения капитана, с невероятной страстью начала рассказывать о том, какую, на самом деле, жемчужину, ей удалось рассмотреть в хаосе чужеродных космических излучений. Девушка подсоединила свой планшет к огромному экрану, и оказалась в своей стихии. Краска быстро сошла с её лица. Она принялась увлечённо рассказывать о новой планете. На основе расшифровки данных, скрытых в излучениях, уже была готова её точная компьютерная модель. Чёткое изображение отобразилось на экране, и все ахнули от красоты нового мира, ещё не виденного воочию, но не оставлявшего ни малейшего сомнения в его существовании.

Новая планета, получившая кодовое название К04-04,

оказалась похожей на Землю, но была почти в полтора раза больше и выглядела ещё более потрясающе. Её сине-бирюзовые океаны пересекали узоры мелких, но многочисленных жёлто-зелёных материков. Фосфоресцирующие сиреневые облака сияли над зоной экватора, а к полюсам начинали белеть. Андроника объяснила наблюдаемый эффект наличием в облаках частичек люминесцентных минералов, которые светились при трении о воздух. Особенно захватывающим это зрелище становилось на тёмной стороне, где яркие серебристо-сиреневые облака освещали ночную поверхность планеты. Все на мостике затаили дыхание, слушая о К04-04.

Условия на планете были приближены к земным с той лишь разницей, что сила тяготения была чуть больше, а также соотношение кислорода и азота в атмосфере оказалось немного другим, но не критичным для человека. По предварительной диагностике планета была полностью пригодна для колонизации.

– И последнее... – Торжественно объявила Андроника. – Сейчас от неё до нас не больше двух месяцев пути в сжатом пространстве, и мы можем... – Тут она осеклась под пристальным взглядом капитана, хотя все прекрасно поняли её мысль. И Николай тоже.

– Просто не понимаю, как раньше не удалось её обнаружить, а ведь планета Арктура, к которой мы направляемся, находится гораздо дальше от Земли, чем К04-04! – запаль-

чиво продолжала девушка-астрофизик.

Выбор, внезапно возникший перед капитаном, был очевиден: либо добираться до Арктура ещё два года, а потом ещё три обратно на Землю, либо изменить пункт назначения на К04-04, и уже через два месяца ступить на её поверхность. Вряд ли после этого Звёздный Штаб отправит их дальше, к Арктуру, учитывая то, что из-за отклонения от курса они используют больше топлива. Таким образом, шестилетняя миссия может сократиться до двух, причём с тем же результатом, если не лучшим! Планета Арктура хоть и была земного типа, но по предварительным данным обладала весьма суровым климатом, к тому же, располагала гораздо меньшим процентом суши – на ней находился лишь один небольшой материк, и то, большей своей частью растянувшийся вдоль полярного круга.

Нет, выбор, конечно, был очевиден, все выжидающе смотрели на капитана.

– Такое решение не принимается сиюминутно, – наконец, ответил Николай. – Мне нужно больше фактов. И хотя бы понаблюдать за новой планетой пару дней.

– Хорошо! – воодушевлённо отозвалась Андроника. – Я и мои коллеги предоставят вам всю дополнительную информацию.

– Нет, Лёш, я обязан просить разрешения на смену курса у руководства! – недовольно ответил капитан лучшему другу, когда они остались наедине.

Не посоветоваться со своим замкомом Николай не мог.

– Ты же знаешь, они вряд ли разрешат!

– А может, и разрешат... Если этого не сделать, по возвращении нас будет ждать серьёзное разбирательство, даже если мы обнаружим на К04-04 залежи золота!

– Ну... Можно будет сказать, что возникли неполадки со связью, помехи, и мы не смогли связаться с Землёй...

– Что за детский сад! – раздражился капитан.

Но затем он, успокоившись, попытался взвесить все за и против.

– Конечно, я тоже не горю желанием мотыляться до Арктика ещё два года, а потом три обратно, но... по правилам я не могу самовольно изменить курс, если безопасности корабля и экипажа ничего не угрожает.

– И часто ты следуешь этим правилам? – подловил друг.

Да, Печерский неоднократно их нарушал, но делал это во благо своей команды, когда видел более благоприятный и выгодный исход дела.

– Давай рискнём! Все «за»! – уговаривал Алексей.

– Все? Когда это ты успел провести опрос?

Они засмеялись.

– Правда, Ник... Это ведь логично. И не стоит советоваться со Штабом. Ты же знаешь, тем, кто спрашивает, всегда

нельзя...

Лёша болтал безумолку и иногда заговаривался, начиная озвучивать все свои мысли. К этой особенности своего друга Николай давно привык. Пять лет они с будущим замкомом делили комнату общежития в Академии и выучили привычки друг друга наизусть.

Печерского ждала тяжёлая ночь, полная размышлений. Он сказал, что объявит о своём решении завтра, но оно уже созрело в его голове. Он принял его ещё тогда, на мостике, как только Андроника сообщила, что до К04-04 всего два месяца пути, но как капитан, он обязан был подвергнуть его жёсткому сомнению, чтоб оно прошло проверку.

Данные, которые ему предоставили астрофизики, оказались превосходными. Планета была идеальна, только лети к ней. Но главный вопрос, почему её не обнаружили раньше, не давал покоя молодому капитану. Его терзало смутное предчувствие, что всё не так просто, как кажется на первый взгляд.

Когда на следующий день, максимально оттянув время к вечеру, капитан объявил о том, что Уран летит к К04-04, и велел астронавигаторам проложить новый курс, что-то в его сердце болезненно щёлкнуло, будто закрылась ловушка за спиной, отрезав все пути к отступлению.

Уран вышел из сжатого пространства, нейтронные двигатели отключились на время, пока специалисты просчитывали новый маршрут и настраивали систему навигации на но-

вые координаты. Взгляду предстали чужие далёкие звёзды. Алый величественный Арктур, путь к которому оборвался несбыточной мечтой, мерцал над палубой, и будто обвинял капитана в предательстве: что он променял его на невзрачную, маленькую, ничем не примечательную звезду, вокруг которой обращалась К04-04 только потому, что скорее хотел попасть на Землю.

– На которой тебя никто не ждёт, – будто мысленно шепнуло ему далёкое светило.

Действительно, Николая никто не ждал, кроме пустого холодного дома и, возможно, парочки звёзд на погоны, если миссия окажется удачной, и начальство сменит гнев от его самовольства на милость.

Как-то не заладилось всё в личной жизни, хотя он неоднократно влюблялся, но эти отношения так и не привели к созданию семьи. А Печерскому уже перевалило за тридцать, пора бы и остепениться, как говорится... Но он упорно отказывался впихивать себя в стереотипные временные рамки, навязанные обществом, полагаясь на судьбу. Он верил в судьбу, хотя всегда в первую очередь спрашивал с себя. И, несмотря на то, что весь экипаж поддерживал смену курса, Николай считал, что если это решение по каким-либо причинам окажется роковым, отвечать за него придётся только ему. Он – капитан. Он – первый на корабле. Именно ему нести ответственность за последствия своих действий.

Ещё примерно неделю связь с Землёй была доступна, но

Уран так и не сообщил о том, что изменил курс. Через семь дней корабль вошёл в зону радиомолчания.

Снова потянулись однообразные бортовые дни. Зато у астрофизиков теперь добавилось работы. Они непрерывно трудились днём и ночью, собирая данные о новой планете. Их воодушевлению завидовали все. Хотя, и остальные члены экипажа заметно воспрянули духом, обрадованные тем, что им не придётся ещё пять лет мерить шагами узкие коридоры звездолёта, пытаясь скоротать время, и питаться синтетической пищей, а миссия закончится гораздо раньше.

3

В тот день камень в руках Исаия ожил снова. Парень протирал пыль на полке с книгами и просто схватился за него, чтобы передвинуть, но тут же почувствовал под своей ладонью какое-то шевеление. Оно длилось всего мгновение, но программист от неожиданности тут же отдернул руку, будто схватился за что-то горячее, и внимательно посмотрел на камень. Ему показалось, что он снова поменял форму – стал более приплюснутым, но опять же, парень не мог быть уверен в этом на сто процентов, потому как не помнил его из начального облика. Однако же прожилок блестящих минералов стало гораздо больше. Теперь камень красиво блестел при искусственном освещении. Но Исай списал всё на свою невнимательность. Он пытался успокоить себя мыслью, что раньше этого просто не замечал, и продолжил как ни в чём не бывало протирать пыль, гоня от себя мысль, что, возможно, начинает сходить с ума.

– Это всё К... – Твердил он. – Мне надо найти себе девушку, и наконец, забыть её! Просто вычеркнуть её из своего сердца, как это делают все нормальные люди!

Примерно в то же время капитан Урана спокойно сидел в столовой и обедал со своими друзьями. Корабль прошёл большую часть нового пути и уже через неделю должен был прибыть на K04-04. Её блёклый бирюзовый серп уже можно было различить невооружённым глазом. Уран вышел из сжатого пространства и продолжал приближаться к планете за счёт тяги обычных атомных двигателей.

Именно в тот момент, когда ничего не предвещало беды, вся лавина необратимости, давившая на Наколая с детства, наконец, прорвала последний барьер и устремилась вниз оглушительным воем сирены, разнёсшимся по кораблю. Все мгновенно вскочили со своих мест, и, не сговариваясь, побежали на капитанский мостик.

Изображение ужасающего нечто, застывшего на главном экране, ввергло всех в состояние шока. Прямо по курсу корабля находилась жуткая космическая пропасть, похожая на область сингулярности, но её края, в отличие от чёрной дыры, были неровными, рваными. Территория абсолютной тьмы разрасталась, охватывая нетронутые участки пространства. По нему, в буквальном смысле, ползли трещины, как по чёрной стене, растягиваясь на сотни тысяч километров. Они мерцали грязно-серым ионизирующим туманом, и сначала их ломаные линии можно было принять за молнии в открытом космосе. Странная аномалия, возникшая на пути Урана, перечёркивала собою все познания человека о природе пространства.

Мгновенно, на уровне инстинктов, только осознав, что находится перед ним, капитан бросился в рубку ручного управления, и по очереди надавив на два красных рычага, заставил корабль начать экстренное торможение. Уран сильно трянуло. Многие члены экипажа не смогли вовремя ухватиться за что-нибудь и повалились на пол. С потолка, обрывая провода под всплеск оранжевых искр, упало две информационных панели. Все незакреплённые предметы, лежавшие на столах, подпрыгнули и раскатились в стороны.

Торможение длилось примерно минуты три, и всё это время экипаж, не успевший подготовиться, испытывал колоссальные перегрузки. Николаю стало дурно и показалось, что он вот-вот потеряет сознание, но он вцепился в аварийные рычаги мёртвой хваткой, не давая им принять прежнее положение, практически повиснув на них. Его лицо налилось кровью, она стучала в висках, а сердце заходило где-то в горле. Ушные перепонки, казалось, вот-вот лопнут от оглушительного воя сирены. Но капитан справился. Ещё пару раз Уран трянуло, а затем он замер во мгле, будто бросив массивный якорь среди бескрайнего ночного океана. Сирена смолкла. Капитан отпустил рычаги и, отдышавшись, вышел из рубки на мостик, оценивая окружающую обстановку.

Люди медленно приходили в себя. Николай помогал подчинённым подняться. К счастью, серьёзных травм удалось избежать. Но ушибы и царапины получили практически все. Какой кавардак творился в личных каютах, оставалось лишь

догадываться.

Печерский обратился по внутренней связи к экипажу, сообщив, что Уран совершил аварийное торможение, а также успокоил тех, кого не было на мостике, сказав, что ситуация под контролем.

«Интересно, под чьим? – въедливо поинтересовался внутренний голос. – Уж точно не под твоим, а под контролем той штуки, расположившейся впереди».

Когда люди более-менее пришли в себя и оправились от такой неожиданной встряски, Николай собрал всех, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Если кто и мог дать ответ на вопрос, что находится ТАМ, то только учёные, но они, все, как один, разводили руками.

Неожиданную гипотезу высказал Красилов, который, как и командир, был весьма далёк от науки, закончив Академию, как астролётчик.

Как нельзя кстати, замком припомнил одну занимательную статью какого-то астрофизика, прочитанную им год или два назад в научно-популярном журнале, и тогда показавшуюся ему совершенной выдумкой. В той статье автор, явно повредившийся рассудком, утверждал, что технология сжатия пространства, которую используют сверхдальние звездолёты, опасна, и неминуемо ведёт к тяжёлым последствиям таких манипуляций. В частности, он утверждал, что при одновременном параллельном прохождении двух и более кораблей, в вакууме между ними могут образовываться разрывы.

Астрофизик сравнил космическое пространство с тканью, которая при сильном сжатии в одном месте, соответственно, натягивается в другом, и в итоге рвётся. Ничего, кроме скептической улыбки, тогда эта статья не вызвала, но теперь замком вспоминал её с содроганием. Возможно, перед ними и предстал такой разрыв, обнаружить который раньше никому не доводилось.

– И? Что дальше? Его можно как-то обойти? – спросил капитан.

– Можно, но двигаться нужно очень быстро, а мы не сможем снова включить нейтронные двигатели и сжать пространство, иначе, оно вообще рассыплется, как стекло. Трещины уже вот-вот достигнут корабля! – взволнованно сообщил Алексей.

Учёные замерли от его слов, а затем бросились к компьютерам делать расчёты, хотя, с этой аномалией они сталкивались впервые и не представляли, какие здесь можно было применить формулы.

Нечто на экранах выглядело устрашающе. Оно закрыло собой обзор на K04-04 и большинство звёзд, а на сколько километров простирался край абсолютной пустоты, никак не удавалось выяснить из-за его неравномерной плавающей структуры. Если б корабль попал в центр этой сингулярности, это в любом случае означало бы лишь одно – неминуемую смерть, потому как ни один объект не может существовать в условиях отсутствия пространства. Огромная трещи-

на расползалась в стороны, обнажая... Что, собственно? Какое-то подпространственное измерение? Может, иную вселенную? Или абсолютную пустоту? Учёные давно доказали невозможность существования последней. Даже в самом пустом пространстве всё равно каждое мгновение появлялись и исчезали виртуальные частицы, да и само оно было пронизано флуктуационными полями, которые делили его на неоднородности. Но что, если отсутствовало само пространство, как в случае с зоной сингулярности? Похожие условия наблюдались за горизонтом событий чёрных дыр – самых загадочных объектов во вселенной, в полной мере изучить которые человечеству до сих пор так и не удалось, даже учитывая его технологические возможности. Разрыв, наблюдаемый экипажем Урана, отличался от чёрной дыры лишь тем, что образовался искусственно, если верить тому астрофизику, из-за разрушительной деятельности людей, а также не имел гравитационных сил. Понятное дело, что механизмы образования сингулярности в обоих случаях были разными. В чёрных дырах структура пространства разрушалась из-за того, что происходил гравитационный коллапс некой области. Пространство не могло вмещать в себя такую колоссальную массу и попросту рвалось. Здесь же эффект был тот же, только происходил подобный разрыв не из-за скопления огромного количества вещества, а из-за натяжения тонкой «ткани» пространства, вызванной большим скоплением кораблей, использующих эффект сжатия идвигающихся по

определённой траектории.

Красилов также сообщил, что в статье говорилось, что подобные разрывы способны затягиваться сами собой, но вот сколько примерно времени займёт этот процесс, учёному вычислить так и не удалось. Это была лишь теория. Возможно, её автор даже не думал, что она верна прямо в точности, на сто процентов, но откуда-то же появились у него мысли насчёт подобных аномалий?!

Единственное, что можно было предпринять в сложившейся ситуации, это развернуть корабль в противоположную сторону и уйти от эпицентра разрыва. Капитан так и сделал, но из-за невозможности включения нейтронных двигателей, приходилось довольствоваться лишь атомными, а они не могли развить необходимую скорость. Пропать за спиной разрасталась катастрофически быстро, грозясь поглотить корабль вместе с окружающим пространством. Визуально бегство Урана можно было сравнить с попыткой машины или автобуса проехать по дороге, разрушающейся от землетрясения. В космических масштабах это зрелище выглядело ещё более ужасающе. Чтобы не слышать жуткого треска, Печерский велел выключить динамики. Теперь экипаж корабля мог наблюдать лишь безмолвные сероватые молнии трещин, рассекающие бархатную гладь пространства. Пара из них уже обогнала корабль, устремляясь вдаль. Теперь Уран шёл на медленном атомном ходу в своеобразном коридоре, не смея отклониться ни на градус, дабы не вызвать непред-

виденные колебания в шатком вакууме и новые трещины.

– Сколько это будет продолжаться? Вы можете провести хоть какие-нибудь расчёты? – требовательно спрашивал он у астрофизиков.

Андроника, открывательница К04-04, к которой неожиданно пришла слава, поблёкшая теперь в свете последних событий, пыталась напрячь весь свой ум для разрешения смертельной проблемы, но чтоб хоть как-то разобраться в происходящем, требовались месяцы наблюдений и кропотливой работы, а капитан требовал ответ немедленно. Конечно, никто из учёных не мог его дать.

К концу того ужасного дня мелкая трещина, внезапно расплзшаяся прямо на пути Урана, едва не погубила корабль. От столкновения спасли какие-то несчастные пара сотен метров. Во время прохождения мимо неё датчики зафиксировали невероятную волну, которая прошла по титановой обшивке корабля. Уран будто наткнулся на своеобразную рябь пространства, как на небольшой шрам, оставшийся после рубцевания. Одни трещины затягивались, но в другом месте образовывались новые. Учёные не знали, как остановить этот процесс. После встречи с той маленькой трещиной вопрос встал ребром. Нужно было что-то немедленно предпринимать, иначе Уран рисковал не дожить до следующего утра.

Ядерщики предложили безумную идею сбросить в центр разлома нейтринную бомбу. По их подсчётам суммарная си-

ла кинетической энергии, высвобожденной таким взрывом, должна была затянуть обратно все трещины и восстановить целостность пространства. Идея была ужасной. И способ её осуществления тоже. Но она оказалась единственным спасением. Хотя, проведённые впопыхах расчёты не гарантировали стопроцентного успеха.

– Но есть одна проблема, – напряжённо сообщил Митин, главный ядерщик. – Такую бомбу можно доставить лишь на челноке, а так как трещины позади нас образуются в хаотичном порядке, просчитать траекторию его полёта заранее будет невозможно. Если он столкнётся с такой трещиной и заряд сдетонирует, не достигнув эпицентра, это повлечёт за собой ещё бóльшие разрушения. Тогда Уран точно не уцелеет. Взрывной волной его может отбросить куда угодно, прямоком на трещину... Челноком придётся управлять вручную... – Закончил, наконец, учёный и опустил голову, будто сообщив неизлечимо больному страшный диагноз.

– То есть, кому-то из нас придётся... – Сказал Красилов.

– Но это же билет в один конец! – возразила Лиза.

– Да, но другого выхода нет, – подтвердил ядерщик.

– Ясно, – коротко сказал капитан. – Что ж, готовьте всё необходимое, – без тени колебания приказал он.

Его шокированные друзья и подчинённые не знали, что ответить.

Никто всерьёз не думал, что это возможно, что капитан вот так запросто, меньше, чем за минуту, решится. Никто не

думал, что нет другого выхода.

Николай повторил приказ. И только после этого его подчинённые зашевелились, начав что-то делать, а сам он быстрым шагом направился к отсеку, где хранились спасательные капсулы и челноки.

Лиза, Алексей и Андрей побежали за ним.

– Коль, подожди! Коля! – тараторила Белогорова. – Так нельзя! Мы найдём другое решение! Да остановись же ты, наконец!

Капитан замер посреди коридора и резко обернулся к девушке.

– Какое другое решение, Лиз? Каждая минута для Урана может стать последней. Мы больше не можем ждать. Пришло время действовать.

– Но ты же... Ты же погибнешь... там... – Сквозь наворачивающиеся слёзы озвучила она мысль, мучившую всех.

– Я знаю. Пойми меня, Лиза, и прости... – Смягчившись, ответил Печерский. – Я капитан, помнишь об этом?

– Но это не значит, что ты должен принимать весь удар на себя! Мы же команда!

– И именно поэтому я не могу допустить, чтобы кто-то из вас пострадал. Я обязан сохранить свою команду в целости и сохранности.

Слёзы уже полностью заливали лицо несчастной девушки. Елизавета не могла сдержаться. Красилов ободряюще обнимал её за плечи, пока они вчетвером шли к нужному отсеку.

Там уже суетились люди, подготавливая челнок. Сосредоточенные побледневшие лица друзей не выражали ничего из-за стресса. Каково это, провожать на неизбежную смерть друга? Все трое находились в состоянии глубокого шока. Да и Николай, наверное, тоже. Он действовал на автомате. Проверял исправность систем, придирчиво осматривал груз в виде нейтринной бомбы и раздавал указания рабочим.

Прощание было коротким и сбитым. На счету была каждая минута. Корабль периодически трясло, вызывая у экипажа приступы паники.

Капитан оставался необычайно спокоен, будто собирался совершить одиночный облёт вокруг планеты.

Он выскользнул из последних объятий Лизы слишком легко. Эта девушка была влюблена в него ещё со времён обучения в Академии, но они с капитаном оказались совершенно разными людьми, поэтому у них и не получилось создать семью. Но это не мешало Белогоровой любить Николая, к тому же, они и так постоянно были рядом, много лет вместе неся службу на Уране.

Времени обращаться с прощальной речью к экипажу не осталось. На счету была каждая минута. Да и этого прощания не выдержали бы ничьи нервы.

Капитан по очереди взглянул на своих друзей. Лиза к тому времени спрятала лицо где-то в объятиях Алексея и беззвучно плакала. Николай пожал руку своему замку и Андрею. Махнул на прощание техникам, подготовившим чел-

нок, и поднялся на его борт. Через минуту шлюз был открыт. Маленькая ракета сорвалась с места, унося сердце корабля – его отважного капитана – всё дальше и дальше, в необозримую глубь исковерканного, больного пространства, которое ценой собственной жизни следовало излечить команду Урана. Излечить, чтобы оно в неведении своей болезни не причинило вреда людям.

Печерский был хорошим пилотом. Он ловко маневрировал, уходя от трещин, перерезающих ему путь к эпицентру пустоты. Уран остался далеко позади, но капитан продолжал поддерживать с ним связь, сообщая о своём состоянии и этапах выполнения задания. Спустя, примерно, час связь оборвалась, видно, мешали помехи, вызванные аномалией. Край пустоты, быстро разрастающийся впереди, двигался навстречу челноку, благодаря чему потребовалось совсем немного времени, чтобы достигнуть границы космической пропасти. Она выглядела впечатляюще, лишь наводила ужас из-за осознания того, что несёт только смерть и разрушения. Её рваные края, мерцающие серым жемчужным светом, расширялись с бешеной скоростью, захватывая здоровые территории пространства. Николай скорее по наитию понял, когда следовало выпустить бомбу и активировать детонацию. Ведь иначе она бы просто не взорвалась, потому что ей не с чем было сталкиваться. Кромешная пустота поглотила бы её без остатка, а за нею и крошечный челнок капитана. Интуиция сама подсказала, когда следовало прове-

сти манипуляцию. На самой границе вечной тьмы Печерский осторожно передвинул рычаг, выпускающий бомбу из специального гнезда под днищем челнока, а ещё через полминуты нажал красную кнопку, дистанционно активируя смертельный заряд. Всё разрушающееся пространство вокруг заволочило голубым ионизирующим светом. Николай предварительно отключил динамики, чтобы не слышать ни с чем несравнимого грохота от взрыва, но камеры отключать не стал. Однако никакие фильтры не могли спасти от волн ярчайшего света, вызванного реакцией от расщепления микрочастиц нейтрино. Глаза на мгновение обожгло болью, заставив капитана зажмуриться. Челнока уже не должно было существовать. Он должен был попросту испариться в чудовищных энергиях взрыва нейтринной бомбы, но Печерский ощущал, что по-прежнему сидит в кресле перед экраном бортового компьютера, мало того, вся электроника продолжает исправно работать. До конца не веря в окружающую реальность, он осторожно разлепил веки. На экране, выводящем изображение с камер, застыла непроглядная тьма. Что она значила? Что капитану каким-то образом удалось избежать гибели и углубиться ещё дальше в абсолютную пустоту разрушенного пространства? Но как он мог существовать там, где ничего нет? А может, взрывной волной его отбросило так далеко, что он оказался в привычном нормальном космосе, а камеры повредились, и ему просто не было видно звёзд? Что бы это ни значило, но ясно было лишь одно: что

он жив! Что каким-то чудом он остался в живых, что, конечно же, ставило под сомнение эффект от взрыва бомбы. Что, если выбранный ядерщиками способ не сработал? Что, если Уран по-прежнему в опасности? Нужно было немедленно определить своё местоположение и попытаться связаться с кораблём.

Электронный радар показал абсолютную пустоту. То есть, на нём не отображалось ничего, даже звёзд! Николай много раз перепроверял данные, даже пытался отыскать поломки, но навигационная система челнока была в полном порядке и показывала правдивые результаты. Камеры тоже оказались исправны.

Когда Печерский попытался связаться с Ураном, то ожидаемо, потерпел неудачу. Молчание распространялось на все частоты, используемые Звёздным Флотом. В голову капитана стали лезть ужасные мысли о глобальной катастрофе, вызванной взрывом. Хотя, не могло же случиться так, чтоб эта космическая пропасть за считанные секунды расширилась так, что поглотила весь Млечный Путь! Почему тогда он сам выжил, и кроме того, его челнок не получил никаких повреждений? На эти вопросы не было ответов. В любом случае, требовалось больше времени, чтобы провести наблюдения. Но капитан уже был не в состоянии даже мыслить. Он не спал больше сорока восьми часов. Его перегруженный событиями и стрессом разум в какой-то момент просто отключился. Николай заснул прямо в кресле за столом, провали-

ваясь в глубокий сон без сновидений. Ему показалось, что его кто-то настойчиво звал.

Печерский проспал четырнадцать часов. После его пробуждения ничего не изменилось. Челнок продолжал мчаться в неизведанную глубину пространства на максимальной скорости. Все частоты молчали, хотя всё это время каждые полчаса система посылала автоматический сигнал SOS.

После сна капитан чувствовал себя гораздо лучше, но разобраться в происходящем у него всё равно не получалось. Навигационная система не могла определить его местоположение из-за полного отсутствия звёзд и излучений. Само состояние вакуума за бортом противоречило законам природы, известным науке. Учёные утверждали, что вселенная всеми силами избегает образования абсолютной пустоты, то есть истинного вакуума, но действительность, которую рисовали Николаю данные приборов, невозможно было трактовать иначе. Челнок окружал самый настоящий первозданный вакуум, лишённый полей, флуктуаций и виртуальных частиц – состояние пространства, близкое по свойствам к сингулярности, только в колоссальных масштабах. Но как тогда крошечный корабль умудрялся двигаться в этой крошечной пустоте, и куда в итоге его мог привести этот путь? Может, и самого пространства уже не существовало? Если предположить, что каким-то образом Печерскому удалось

«пролететь» сквозь ту космическую пропасть, то где, теоретически, он мог оказаться? В точке, под названием Нигде и Никогда. В месте, без самого места, в котором заканчивается пространство и время, а все законы природы перестают действовать. В тупике времени, в тупике пространства, в тупике сознания и бытия, в самом эпицентре торжества энтропии... Осознать это было гораздо легче, чем смириться...

В тот самый миг страшная догадка пронзила разум капитана. Если он остался жив, то, скорее всего, его выбросило за пределы вселенной, если они вообще могли существовать. Может, это и было равносильно смерти – смерти для всего остального мира, оставшегося позади? Путь к возвращению не осталось. А чего он ждал? Ведь он и шёл на смерть. Но всё-таки в глубине души, как и любое живое существо, капитан надеялся, что ещё сможет вырваться из её цепких лап. Не вырвался. Лишь растянул свою агонию, которая теперь будет длиться несколько месяцев вместо пары секунд, пока не кончатся запасы кислорода и пищи в челноке.

В таком страшном смятении и апатии прошло несколько дней, на протяжении которых капитан только сидел на полу у большого иллюминатора на мостике, бесцельно вглядываясь в бесконечный мрак. Говорят, во всём можно найти положительные моменты. Что ж, позитивным в сложившейся ситуации было то, что оставшееся время Николай мог использовать для наблюдений за этой загадочной областью пространства, находившейся за пределами вселенной. Ему выпал уни-

кальный шанс! Да только какой в нём смысл, ведь капитан ни с кем бы уже не смог поделиться результатами своих наблюдений и собранными данными.

В отчаянии он горько пожалел, что не умер сразу, в момент взрыва. Но если судьба действительно существует, значит, для чего-то она привела его в царство этого бесконечного мрака.

Исай попросил о переводе в лабораторию, находившуюся в песках Палилия, чтобы быть к скалам ещё ближе. Его просьбу удовлетворили, хотя начальник посмотрел на него с недоумением. Кто по доброй воле согласился бы променять развивающийся город колонистов на эту глушь? Но программист объяснил свой поступок тем, что у него сейчас трудный период в жизни и ему нужно уединение. На самом деле, возможно, в необходимости переезда парня убедил камень на его полке с книгами. Этот артефакт, а по-другому язык не поворачивался его называть после двух вышеописанных странных случаев с его участием, общался с Исаем на подсознательном уровне, будто программируя его, незаметно для самого человека. Программист думал, что мыслил самостоятельно, но на самом деле каждое решение, принятое им, было продиктовано загадочным Камнем. Это не являлось общением в привычном понимании слова. Связь, установив-

шаяся между ними, походила на обмен мыслеформами, первичными архетипами, самими понятиями и пониманием вещей и явлений окружающего мира. Только так можно было общаться двум в корне различным по своей физиологической и психической структуре созданиям, если они хотели друг друга понять.

Но произошло ещё кое-что, прежде чем смутное осознание того, что он общается с живым разумным существом, начало проявляться в голове Исае. Примерно спустя месяц после переезда в лабораторию, однажды, исследуя скалы, землянин обнаружил пещеру.

Она располагалась посреди двух закруглённых отрогов скал и внешне, и по своей форме ничем не отличалась от тысяч земных пещер. Её высокие, в два человеческих роста стены явно были природного происхождения. Они мерцали светом минералов, которые днём накапливали в своих частицах лучи Альдебарана, а по ночам излучали их. Причём, этот накопленный свет мог передаваться от минералов, находившихся у самого входа, в более дальние участки пещеры, куда не могло проникнуть алое сияние звезды. Исай убедился в своей догадке, как только несколько раз русло пещеры сделало крутые повороты на девяносто градусов, но по-прежнему внутри оставалось светло, как днём. Бронзовые и тёмно-медные камни, с серебряными прожилками источали невероятный свет. Описать красоту пещеры не хватало слов, и программист пожалел, что не захватил с собой на прогулку

камеру, но зато он зачем-то взял Камень, который лежал у него в кармане. Возможно, на уровне подсознания, он и указал своему другу-человеку путь к необычной пещере.

Пройдя ещё дальше и свернув пару раз налево, Исай оказался в просторном зале, которым оканчивалась короткая, но невероятно красивая пещера.

Зал имел форму трапеции, но тоже не был рукотворным. Его потолок вздымался метров на десять в высоту и сужался к центру. Мерцающие светом минералов стены хранили молчание. Вообще, на Ирридиуме было очень тихо. На планете почти отсутствовал ветер, поэтому многие колонисты жаловались на духоту, которую возможно было разогнать лишь сплитами и доисторическими вентиляторами. Открывать окна хоть ночью, хоть днём не имело никакого смысла.

Исай с интересом разглядывал зал, касался шероховатых стен, водя по ним руками, и будто познавал чуждую ему реальность через тактильный контакт. Миллионы образов вспыхивали в его сознании, которым он пока не мог дать словесного определения. Ведь как можно назвать явления, не встречающиеся и даже не известные в человеческой реальности, ещё и при этом не зная языка представителей мира, которому эти явления принадлежат? Исай видел в своём воображении тысячи разноцветных вспышек. Вернее то, что отдалённо можно было назвать вспышками. Они закручивались в неразборчивое месиво, в спиральный вихрь, а затем программист, будто отдаляясь от его эпицентра, замечал, что

этот вихрь из вспышек, наряду с другими, находится в составе более масштабного вихря, а тот в ещё более крупном подобном образовании. Таким образом, создавалось некое подобие фрактала – формы, более-менее знакомой разуму землянина.

Когда он оторвал руки от стены, то почувствовал шевеление Камня в своём кармане. Исай немедленно вынул его наружу и заметил, что вся его масса пришла в движение и теперь была похожа на миниатюрные вспышки, объединённые в вихри, а затем во фракталы. Парень изумился странному процессу, творящемуся на его ладони, но он длился совсем недолго: около минуты, а затем артефакт в его руке снова замер. Но то, что последовало за этим, удивило Исаю не меньше. Маленький камень в его ладони будто послал невидимый импульс стенам пещеры. Прожилки минералов в них тоже пришли в движение. Они складывались в удивительные узоры и многомерные геометрические фигуры, не виденные ранее Исаем ни в одном из учебников и компьютерных симуляций. Описать их, используя человеческие языки, было невозможно. Землянин вглядывался в невиданные узоры на стенах, даже не понимая, как его ограниченный трёхмерный разум, вообще, мог их воспринимать, а затем они в мгновение ока рассыпались сотнями искр, и через несколько секунд на их месте замерцали серебристым светом буквы. Настоящие человеческие буквы!

«Добро пожаловать, Исай!» – говорилось в коротком со-

общении на кириллице.

Парень ахнул от изумления.

Они выучили его язык! Но кто – они?

Он поднёс артефакт к глазам и повертел его в руках. Он оставался спокоен и недвижим, но видимо, как-то передал информацию об Исае и языке, на котором он говорил, минералам в стенах, чтобы те вывели необходимое изображение. Может, загадочные «они» общались через камень? А может, они и были камнем? Вот почему никому до сих пор не удавалось обнаружить жизнь на Ирридиуме! Да потому, что она была повсюду, только её никто не замечал! Жизнь на Ирридиуме, загадочной планете Альдебарана с благоприятным тёплым климатом, была представлена соединениями кремния, а не углерода, как на Земле! Исай не был уверен, что додумался до этого сам, а не подвергся внушению нужной информации со стороны Камня.

Новое знание поразило его до глубины души, вместе с тем вызвав страх. Точнее, какое-то естественное природное отторжение от настолько чужеродного по своей структуре биоматериала, называть который разумной жизнью мозг отказывался. Но эта жизнь, без сомнения, была разумной, и, по всей видимости, по своему развитию намного превзошла человеческую цивилизацию, вышедшую к звёздам и покорившую космическое пространство. Эта жизнь не летала к звёздам, может, вообще, не догадывалась об их существовании, потому что ей это просто не было нужно. Вместе с тем, исполь-

зую квантовую запутанность частиц, она могла сообщаться с такими же микрочастицами кремния, где бы они ни находились: на любой планете, астероиде, комете, обшивке человеческого корабля, мчащегося в космосе, или в ядре угасающей звезды. Мало того, каждая частица могла мгновенно перемещаться туда, где находилась её пара, меняясь с ней местами, при этом оставаясь частью единого целого и не теряя своего самосознания.

– Так ты – один организм или несколько? – спросил вслух Исай, нарушая мёртвую тишину пещеры.

На её стенах отображался постоянно сменяющийся текст на человеческом языке землянина, рассказывающий об особенностях строения и жизнедеятельности кремнитов. По крайней мере, в той, возможно, сильно упрощённой форме, в которой Исай способен был понять чуждое ему существо.

Возникла долгая пауза. Возможно, кремнит или кремниты пытались подобрать нужные слова, чтобы корректнее объяснить гостю особенности своего состояния.

Наконец, на стене возник новый текст. В нём говорилось, что у кремнитов нет понятия числа. И как это было понимать? Исай решил, что, скорее всего, эти существа имели коллективное сознание, которое в определённых случаях могло расщепляться на сколько угодно частей. При этом они располагали одним телом, рассеянным по всей необъятной вселенной мелкими частицами. Таким образом, кремний, как вещество в космосе, являлся телом этого существа или

существ, независимо от того, были ли свободны его атомы или пребывали в составе других живых организмов, включая углеродных на Земле.

Эта несколько абсурдная, но вместе с тем грандиозная идея, в который раз поразила разум молодого человека, потому как в тот момент он понял всю масштабность и величие открывшейся перед ним жизни. Жизни с большой буквы. Истинной жизни в самом широком её проявлении. Но как само вещество смогло обрести разум? С чего всё началось? И где именно его эпицентр находится теперь? На Ирридиуме? Или Ирридиум – лишь одна из планет, охватываемых им?

Следующий текст на стене гласил, что на сегодня информации достаточно, и кремниты продолжают рассказывать о себе, когда Исай посетит пещеру в следующий раз. На прощание парню пожелали удачи, а затем буквы погасли. На стенах вновь заблестели бесформенные вкрапления минералов.

Программист не мог опомниться от свалившейся ему на голову величайшей тайны. Мысль о том, что он просто сумасшедший, даже не посещала его разум. Всё произошедшее в пещере было настолько реально, что не оставляло сомнений в подлинности восприятия действительности землянином.

Исай покинул пещеру, но не пошёл сразу домой, в квартиру, выделенную ему руководством лаборатории. Вместо этого он ещё долго бродил по окрестностям вблизи скал, отходя от шока и приводя свои мысли в порядок.

Пески теперь воспринимались иначе. Поначалу он даже боялся наступать на них, но Камень в кармане мысленно заверил друга, что всё в порядке. Да и себя самого он теперь не мог воспринимать по-прежнему, зная, что в его теле содержатся атомы другого мыслящего разумного существа.

Лишь с последним лучом заката, когда величественный Альдебаран горделиво скользнул за горизонт, Исай повернул в сторону лаборатории, ускоряя шаг. Он сильно проголодался и испытывал жажду. Сумерки в тот день наступили как никогда рано. Это значило, что на Ирридиуме наступает осень.

Николай всё-таки преодолел свою апатию и безразличие, и занялся сбором и анализом данных. А они упорно твердили о том, что за пределами челнока расстиралось абсолютное ничто. Приборы не уловили ни малейшего намёка на излучения. Энергия вакуума равнялась нулю, гравитационное воздействие отсутствовало, силы электромагнетизма тоже. Температура за бортом оказалась равна абсолютному нулю, -273°C . Но как тогда челнок капитана мог двигаться в таких условиях? Или он всё это время стоял на месте, а двигатели работали вхолостую? Определить, движется ли ракета или стоит, оказалось невозможно, потому как отсутствовали координаты, по которым можно было отследить своё собственное местонахождение. Но движение в условиях абсолютного нуля, при котором переставали вращаться даже электроны вокруг ядер, противоречило законам природы, из чего Николай сделал вывод, что всё это время просто простоял на месте. Чудо, что челнок ещё держался, и разрушительный холод не пробрался под обшивку. С досадой капитан заглушил двигатели, направив энергию теперь ненужного топлива на дополнительный обогрев обшивки. Он корил себя за то, что сразу не догадался этого сделать, либо просто не захотел проверить температуру этой всепоглощающей тьмы за

бортом, и потерял столько энергии даром. А ведь её можно было направить на дополнительный синтез кислорода, и... продлить свою агонию ещё на один месяц.

– Какая, к чёрту разница, если я всё равно не выберусь отсюда живым? – вспылил капитан.

В ту ночь он впервые услышал зов. Ну, как, услышал, скорее, почувствовал его на уровне подсознания. То, что он уловил, не являлось зовом в привычном смысле слова. Это был скорее импульс, отправленный ему из глубин вечной тьмы. Печерский проснулся в холодном поту, сел на койке, и долго не мог отдышаться.

Этот зов не могли уловить десятки сверхточных приборов, но без труда улавливало человеческое сердце. Николай понял, что это был не голос, даже не чей-то мысленный посыл, а нечто другое, чему он не мог дать описания. В момент сна, когда естественная защита подсознания ослабевала, этот «зов» мог проникать в разум капитана, рождая в нём ассоциации, которые наутро забывались. Оставалась лишь их бесформенная, лишённая обличий тень, которую Печерский никак не мог интерпретировать.

Прошло ещё несколько ночей, прежде чем таинственный зов, будто эволюционируя и обучаясь, смог сложиться в слова языка, на котором думал капитан.

Однажды ночью он почувствовал, как нечто тёмное и пугающее свалилось на него и начало давить... Будто тьма за пределами челнока превратилась в тягучую плотную массу,

и начала сдавливать стены. Маленький корабль, словно золотая песчинка, застывшая в громадной каменной тверди, неподвижно замер среди абсолютного мрака. Во сне капитану было жарко, он метался из стороны в сторону, ему казалось, что обшивка вот-вот лопнет под натиском такой сумасшедшей тяжести и уже начала трещать. Тьма хотела ворваться внутрь корабля, тьма искала малейшую трещину в корпусе, чтобы сквозь неё просочиться в каюты и заполнить собою островок потерянного и сбитого с толку человека.

В тот момент, когда терпеть это давление стало практически невозможно, Николай впервые и услышал голос, который звал его по имени! Вначале капитан не смог определить, кому именно он мог принадлежать. Он был безжизненным, металлическим, лишённым обертонов и гендерной принадлежности. Но затем в нём однозначно стали проявляться женские черты, и под конец стало совершенно ясно, что голос мог принадлежать молодой женщине, либо тому, что хотело казаться женщиной.

«Николай, я не причиню тебе вреда!» – Ясно услышал капитан чужую фразу и проснулся, рывком сев на кровати.

Голос был так реален. Капитану казалось, что он исходил отовсюду, из той жуткой тьмы, которая расстилалась за пределами вселенной, и была всеобъемлющей.

«Неужели я схожу с ума?» – подумал он.

– Нет! – тут же возразил голос. – Я, правда, есть. Я – повсюду.

Капитан изо всех сил зажмурился, схватившись за голову и прогоняя наваждение.

Ну, всё, он начинал говорить с призраками. Неудивительно, учитывая то, что он пережил, и что жить ему осталось месяца три-четыре, если повезёт. Даже не жить, а тупо существовать в маленькой консервной банке, застывшей среди непознанного мрака.

Оставшийся день голос не тревожил его, видно, решив, что Печерскому необходимо разобраться в себе, но как только наступила ночь, и прерывистый беспокойный сон смежил веки капитана, зазвучал снова.

– Николай... – Звала девушка.

Отчего-то капитану казалось, что это могла быть юная девушка. Он даже попытался нарисовать её образ в своей голове.

– Не бойся меня... Я помогу тебе... Тебе лишь надо позволить мне проявиться...

Ни с чем не сравнимый ужас вдруг объял сердце капитана. Мало того, что он оказался совершенно один, за пределами вселенной, куда не ступала нога человека, в бескрайней тьме без надежды на возвращение, так ещё и начал сходиться с ума. А если не начал? С кем он тогда мог говорить? Кто или что способно было существовать в крошечном мраке при температуре абсолютного нуля, там, где сами понятия пространства и времени становятся просто бессмысленными? Какая форма жизни либо не жизни могла выдержать

подобные условия?

Решив, что хуже уже точно не будет, капитан сделал мысленное усилие и ответил «да».

«Существо» больше ничего не сказало, но Печерский каким-то внутренним чутьём понял, что оно «улыбнулось».

После этого его сон стал глубоким и спокойным, и капитан впервые за много дней смог выспаться.

А на утро... На утро его ждал неожиданный сюрприз. Провалившись в кровати ещё полчаса после пробуждения, Николай встал, сделал стандартную разминку, ополоснул лицо холодной струёй ионизированного воздуха, и вышел из каюты, направляясь на мостик.

Он замер, как вкопанный, лишь только войдя в помещение и бросив взгляд на...

Возле стола с монитором бортового компьютера, в кресле, повернувшись лицом к капитану, сидела девушка, точь-в-точь такая же, которую он представлял себе ночью под звуки таинственного голоса.

Капитан в ступоре уставился на неё, поморгал, но видение не исчезало. Девушка пристально смотрела на него.

– Я – есть, – ответила она на его немой вопрос тем знакомым голосом, который Николай слышал накануне.

– Ты... Ты... Кто ты? – с опаской спросил он. – Как ты здесь оказалась?

У него возникла безумная мысль о том, что, возможно, какая-то его фанатка могла пробраться на челнок перед вы-

летом, именно поэтому у него ночью чётко возник образ девушки перед глазами. Да потому, что он уже видел её раньше. Но как тогда объяснить наличие голоса, который он слышал на протяжении нескольких дней, и остальные странные ощущения? Может, это она и звала его сквозь сон, явно сама уже тронувшись рассудком от пережитого?

– Я всегда здесь есть. Я – повсюду, – ответила девушка, так и не ответив на вопрос, кто она такая.

Её длинные светлые волосы с золотистым отливом блестели в свете искусственного освещения, большие серые глаза в обрамлении длинных чёрных ресниц не были ни напуганы, ни огорчены, напротив, они выражали интерес и дружелюбие. Девушка была хрупкой, тонкой и изящной. Её красивое тело скрывал белый свободный комбинезон из лёгкой ткани, оканчивающийся на плечах тонкими бретелями. Нежную белую шею обрамляла у основания серебряная цепочка с висящим на ней маленьким красным камнем.

Николай невольно залюбовался девушкой, она притягивала к себе взгляд с такой магической силой, что невозможно было противиться ей, но капитан взял свою волю в кулак и будто сбросил с себя наваждение.

Он взял стул и присел напротив гостьи, желая наладить с ней контакт.

– Как ты попала на корабль? – спросил он.

Девушка облизнула пересохшие губы и задумалась, будто тщательно подбирая слова на незнакомом языке.

– Ты позволил мне проявиться. И вот я здесь...

– Как это – позволил проявиться?

– Ну, я же спрашивала у тебя ночью, помнишь?

– Подожди... Так, слушай, я не буду ругаться, уже и бессмысленно это делать, но раз ты пробралась на челнок ещё перед вылетом, то так и скажи...

Девушка непонимающе уставилась на него.

– Я везде есть, – настойчиво повторила она. – И проявилась после того, как ты позволил... Тот образ в твоей голове... Я взяла его и материализовала это тело из пустоты...

Услышав подобное, капитан тяжело вздохнул, окончательно поняв, что девушка, однозначно, повредила рассудком.

– Как тебя зовут? – спросил он, надеясь, что хоть имя своё она ещё помнила.

Его собеседница сделала паузу, будто у неё было много имён, и она выбирала, каким из них представиться Николаю.

– Моё имя – Кибела, – наконец, ответила она.

Капитана удивило необычное звучание этого имени. Никогда ранее он его не слышал, и не мог быть уверен, что оно не выдуманное, а данное при рождении.

– Хорошо, – сказал он. – Может, ты голодна?

Кстати, запасы еды и воды за все две недели, что капитан находился в этом бескрайнем мраке, расходовались лишь им одним – это было точно видно, потому как синтезатор пищи ежедневно выводил на панель информацию, сколько порций

блюдо осталось. Не могла же Кибела всё это время не есть?

– Нет, не голодна, – ответила девушка, улыбнувшись. – Мне не нужна пища, чтобы поддерживать жизнедеятельность этого тела, но я могу поесть с тобой за компанию.

Позже, в столовой, когда они сидели за столом друг напротив друга, и Николай с аппетитом завтракал, а Кибела придиричиво ковырялась вилкой в тарелке, рассматривая еду на свет, будто диковинную вещь, у капитана промелькнула мысль о том, что, возможно, он действительно столкнулся с некой непознанной формой жизни, которая могла создать себе тело из «ничего», используя образ в его мыслях. На что тогда она ещё была способна? Удивительно, что за шесть тысяч лет освоения космоса люди так и не нашли никаких намёков на жизнь, а обнаружить иной разум удалось лишь за пределами вселенной. Точно за пределами? Это он и попытался выяснить у существа, на данный момент выглядевшего, как девушка из его воображения.

– Ты знаешь, где мы находимся?

Кибела не ответила сразу, сделав вид, что слишком долго пережёвывает пищу. На самом деле она, скорее всего, не знала ответа на этот вопрос или почему-то его утаивала.

– В моём царстве.

– В твоём царстве? – удивился Николай такой формулировке.

– Хорошо, а где расположено твоё царство? В какой части вселенной?

– Что такое вселенная?

Этот ответ вверг капитана в ступор. Он растерялся.

– Ну как... Это... Это место, где много звёзд. Они собираются в скопления, а скопления в кластеры, которые образуют космическую паутину... И...

Видя недоумение, отобразившееся на лице девушки, Печерский понял, что рассказывать дальше бессмысленно.

– Если ты смогла считать из моего разума этот образ девушки, в котором пребываешь сейчас, то значит, и сможешь увидеть звёзды, – осторожно предположил капитан.

– Верно. Так я и сделаю... А ты из вселенной?

– Да... – И тут Николай внезапно спохватился. – Я извиняюсь, что потревожил тебя в твоём царстве, но видишь ли, я не специально. Так сложились обстоятельства. Произошёл взрыв, а перед этим возникла аномалия, и видно, меня выбросило за пределы космоса...

Девушка улыбнулась, к тому времени расправившись с завтраком, заверяя капитана, что всё в порядке.

С того времени она начала активно познавать мир, из которого прибыл капитан, используя его воспоминания, а Печерский понял, что с каждым днём привязывается к ней всё сильнее и сильнее.

Но время неумолимо мчалось вперёд, запасы на челноке кончались. Как-то раз Николай постучал в каюту Кибелы, которую сразу же выделил ей. Девушка ответила, что можно входить.

– Мне нужно с тобой серьёзно поговорить, – с порога заявил капитан, но мысли его тут же улетучились, как только он взглянул на девушку.

Она была одета в красное бархатное платье, оголяющее её красивую спину и плечи, которое ей невероятно шло. Алый цвет контрастно оттенял её необычные серые глаза и светлые волосы, собранные в высокую причёску, из которой специально выбивалось несколько локонов.

Пару минут Николай неотрывно смотрел на девушку, не в силах оторвать от неё взгляда, но затем всё-таки поборол внутреннее искушение, напоминая себе, что, вообще-то, к Кибеле его привели серьёзные проблемы, которые может решить лишь она.

– Почему ты так смотришь? – промолвила девушка.

Капитан будто очнулся, скинув с себя наваждение.

– Прости. Мне нужна твоя помощь.

Они присели на стулья. Кибела, конечно же, ничего не поняла, не подозревая о тонкостях взаимоотношений между людьми, тем более между мужчиной и женщиной. Она была словно ребёнком. Неискущённым, чистым ребёнком, но вместе с тем временами в ней проглядывалась какая-то магическая тёмная сила, мощная женская энергия, которую почитали предки современных людей. Возможно, девушка лишь притворялась, что ничего не знает, чтобы усыпить бдительность капитана, но он не видел в ней угрозы.

– Кибела, – осторожно начал Николай. – Ты ведь смогла

создать себе тело из... ничего. Значит, ты так же сможешь сотворить какую угодно вещь?

Девушка кивнула.

– Так вот. Людям для поддержания жизни нужен кислород, пища, вода, а здесь, на корабле, их запасы стали подходить к концу. Ты понимаешь меня?

Кибела снова кивнула.

– И... Ты сможешь создать их?

– Конечно! – сразу же отозвалась девушка. – Я могу создать всё, что угодно, только бы знать, что.

– Отлично! – обрадовался капитан.

– Ты скучаешь по вселенной, да? – вдруг спросила Кибела.

Капитан кивнул.

– Хочешь, я создам тебе новую?

– Что? Создашь целую вселенную? Для меня?

Николай не мог поверить своим ушам, но кажется, Кибела не шутила.

– Ну да. Только не обещаю, что она будет тех же размеров, что и твоя, ведь ты тоже не знаешь её настоящих масштабов, а я могу создать что-либо, лишь используя твои воспоминания... Хочешь, создам планету? Землю! И людей на ней! Или твою родную галактику...

Кибела распялялась всё больше, предлагая капитану варианты. Он и не знал, как следует на них реагировать. Перед ним находилось просто всемогущее существо.

Он жестом остановил девушку.

– Ну, если это возможно, то я бы предпочёл покинуть этот челнок и переселиться куда-нибудь...

Глаза Кибелы загорелись воодушевлением. Она уже что-то придумала. Оставалось лишь воплотить свою задумку в жизнь. Тогда капитана впервые рядом с ней посетил страх.

6

Красивый цветущий город раскинулся прямо посреди пустоты, нарушая законы пространства и геометрии, и вообще, всей природы. Кибела создала его усилием мысли. В какой-то момент он просто внезапно возник в пустоте перед кораблём. И Николай, вне себя от изумления, запоздало понял тогда, что извечный спор, поделивший человечество на два лагеря из атеистов и верующих, можно, наконец, закончить. Только никто в нём не оказался прав. Да, Бог, однозначно, существовал, точнее, Богиня, но вселенную и людей она не создавала, судя по тому, что узнала она о них впервые только от Николая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.